



Автор с сослуживцами из Азербайджана и Таджикистана. Волгоградская область, полигон Прудбой, 1988 г.

Я мастер низких ожиданий... Я не аналитический человек. Я не трачу много времени, думая о себе, думая о том, почему я делаю то, что я делаю.

Дж. Буш-младший

Американская система открытости работает, — нет никакой необходимости придерживаться принципа объективной подачи информации, мы пытаемся донести до аудитории точку зрения Соединенных Штатов.

Дональд Рамсфельд

### «Терроризм» как факт и как понятие

Совсем недавно терроризм снова напомнил о себе взрывами в московском метро 29 марта 2010 года. Мы опять столкнулись с терроризмом как жестокой реальностью нашей повседневной жизни. И эту реальность, разумеется, отрицать невозможно, как невозможно отрицать и необходимость борьбы с таким явлением, как терроризм. Российские спецслужбы, властные структуры незамедлительно вновь начали развертывание, мобилизацию имеющейся в России инфраструктуры по борьбе с терроризмом и по ликвидации последствий терактов. И нужно отдать должное нашим российским властным и силовым структурам — эти действия, видимо, благодаря, накопленному пе-

чальному опыту, разворачивались достаточно четко и оперативно. Здесь Россия действовала в целом на уровне современных требований, а во многом, по всей видимости, и по высшим стандартам данных требований, по сравнению с теми же западными странами, не имеющими, к счастью, подобного опыта, именно с нашей российской степенью интенсивности и периодичности.

Однако есть и другая сторона существования такого явления, как терроризм, — его существование в виде понятия, смысловой конструкции, образа, которым оперирует общество в своей борьбе или в своей работе с явлением терроризма. И то, насколько данное понятие или, скорее, система понятий является адекватной, операциональной, точно отражающей суть явления, также является важнейшим фактором успеха или неуспеха в работе с самим явлением и в работе, соответственно, по преодолению данного явления.

*«Понятийное зеркало» такого общественного явления, как терроризм, должно быть максимально адекватным, отвечающим потребностям и задачам интеллектуальной и общественной работы с явлением и в конечном счете его успешного «снятия», в гегелевском смысле.*

Поэтому, конечно, философов, социологов, политиков и других профессионалов в деле работы со смыслами в первую очередь должна интересовать адекватность существующего и используемого понятия «терроризм», адекватность и точность данного понятийного инструментария и его пригодность к работе. И именно с этим, с адекватностью использования и применения данного понятия, с терроризмом как понятийной и смысловой конструкцией, на наш взгляд, сегодня существуют большие проблемы, как в России, так и во всем остальном мире.

### Понятия «война» и «терроризм» в когнитивной модели Просвещения

Понятие терроризма, как и понятие войны, вынесенное на обложку в качестве ключевой темы этого номера, разумеется, не висит в воздухе, не существует само по себе. Это понятие в традиционной для последних, по крайней мере, 200 лет когнитивной модели просвещения расширяется рядом понятий «второго и третьего уровня», а также когнитивными схемами и конструкциями. Эти понятия и схемы создают контекст войны как в прямом, так и в переносном смысле, т.е. они разоблачают, оправдывают, объясняют, расшифровывают войну и терроризм как одну из ее важных форм, как в исторических, аналитических документах, исследованиях, философских текстах, так и, в конечном счете, в политической практике и в массовом сознании.

В качестве примера такой расшифровки понятий войны и терроризма, создания инструментария для работы с этими понятиями можно вспомнить хрестоматийные логические конструкции из советского курса истории, когда даже школьникам учителями настоятельно предлагалось четко различать «поводы к войне» и «причины войны». Поводом могло быть любое событие, бывшее очевидным и лежащее на поверхности, — например, убийство в Сараеве австрийского эрцгерцога Франца-

Фердинанда сербским боевиком-националистом Гаврилой Принципом. Но учителя в советских школах тут же предупреждали учеников, чтобы они не спешили быть столь легковверными, и что необходимо четко различать «поверхностные поводы» и «реальные причины» войны, которые могут не совпадать с поводами и быть глубоко скрыты в толще различных интерпретаций и разнонаправленных интересов. Так, например, в качестве реальных причин Первой мировой войны предлагалось рассматривать назревшие и перезревшие противоречия (экономические, политические, социальные) между «ведущими империалистическими державами» того времени — Великобританией, Францией, США и кайзеровской Германией — новым «молодым империалистическим хищником». России отводилась незавидная роль не очень умного игрока, пожертвовавшего собой за чужие интересы.

Не будем сейчас углубляться в содержание данной интерпретации, в нашем случае гораздо важнее само наличие подобной нелинейной объясняющей схемы, или интерпретационной модели, предлагаемой, заметим, школьникам 14–15 лет. Модели, в которой существуют причины поверхностные, пропагандистские или банальные (поводы), и где есть «реальные причины», «углубленные» в «подлинную мотивацию» участников конфликта, есть различная конфигурация их вовлеченности, прямых и опосредованных выгод, наступивших в результате войны последствий и т.д. При этом никому в советской школе и в голову не приходило принимать лежащее на поверхности событие — теракт Гаврилы Принципа — за реальную «причину войны». Ученика, который назвал бы в качестве первоисточника войны данный теракт, ждала бы верная двойка за неумение элементарно мыслить, сопоставлять факты и отличать лежащие на поверхности «события» от более фундаментальных, экономически и политически фундированных «причин всемирного конфликта». Таким образом, происходил перевод явлений, фактов войны и терроризма в статус понятий, их инструментализация и введение в контекст интеллектуальной работы, даже и на самом первичном — школьном уровне.

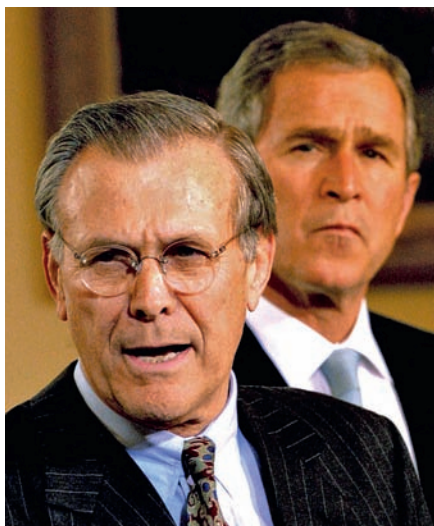
Если перенести эту ситуацию в сегодняшний день, допустить, что подобная цепь событий разворачивалась бы сегодня (акт одиночки-боевика или небольшой боевой организации — последовавшая международная реакция — обсуждения, санкции, угрозы, и наконец, — война), то нет сомнения, что исчерпывающим и самодостаточным фактором, объясняющим и замыкающим всю логическую цепочку, сегодня послужило бы само это событие, лежащее на поверхности, — теракт. Вполне правомерной в рамках сегодняшней политической логики представляется следующая цепь рассуждений: «Почему началась война? — потому что Гаврила Принцип убил Франца нашего Фердинанда. Кто виноват в убийстве? — виноват террорист Гаврила и его

террористическая организация, ну и Сербия, поддерживающая эту организацию, как спонсор международного терроризма. Почему Гаврила и его организация устроили теракт? — Понятно почему — именно потому, что они террористы, т.е. люди, обладающие злой волей, или террористической природой, если угодно. А почему Сербия поддержала Гаврилу? — Потому что Сербия — спонсор международного терроризма, страна — субъект и первопричина злой воли и активный член Оси Зла». Все, точка, на этом все объяснения заканчиваются.

Такая логическая цепочка, как мы еще прекрасно помним, была в принципе недопустима и абсурдна не только в советской школе, в контексте советской науки, но и вообще в контексте действующую



Усама бин Ладен — один из самых опасных и разыскиваемых террористов по версии Государственного департамента США



Дональд Рамсфельд и Джордж Буш на одной из пресс-конференций в Белом доме

щей в обществе модели господства науки, в «обществе просвещения», частным случаем которой была советская школа.

Сегодня же де-факто эта логическая и интерпретационная конструкция является основной действующей логической, политологической и якобы научной моделью — и в политической науке, и в реальной политике, и в массовом сознании, да и в области права тоже.

### Новое рождение «терроризма» и конец политической рефлексии

Действительно, роль понятия «терроризм», на первый взгляд, в современном военно-политическом, историческом и аналитическом поле, равно как и в массовом сознании, поистине всеобъемлюща. Но насколько сегодня этот термин функционирует именно как понятие, т.е. как часть интерпретационных схем, расшифровывающих нашу реальность? Скорее терроризм в этом смысле сегодня является уже не понятием, а своеобразным сверхпонятием или мифологемой.

Для иллюстрации развития этого сверх-понятия можно вспомнить его новейшую генеалогию, историю его нового восхождения на политический олимп. Это произошло особенно явно и резко в конце эпохи Клинтона и в первой части эпохи Буша-сына. Даже из анализа открытых новостных потоков было очевидно, как команда Буша-

отца резко включилась в работу по радикальному изменению общественно-политического статуса этого понятия на рубеже 1990-х — 2000-х. Понятие «терроризм» до этого времени употреблялось еще относительно аккуратно и локально, как собственно, ему и положено употребляться, наряду с другими понятиями. Даже в контексте югославской войны и событий на Ближнем Востоке употребление этого понятия еще довольно густо снабжалось всяческими анализами, работой различных экспертных комиссий, международных инстанций, научных и политологических институтов.

Больше всего в тот переломный момент поражали не только вышеописанные глобальные понятийные изменения, но и реакция на них остального, как мирового, так и российского политического и экспертного сообщества. Когда Буш-сын и его команда на различных саммитах вдруг стали употреблять понятие «международный, мировой терроризм» без расшифровки, как само собой разумеющееся, то сначала в глазах их европейских партнеров, включая и российских руководителей, было заметно некоторое недоумение, мол, откуда и почему вдруг «мировой терроризм»? Вроде вчера говорили по отдельности о сербах, иракцах, палестинцах, североирландцах и северных корейцах, вроде бы никак между собой не связанных? Однако наверху решение уже было принято, и вот уже сначала Блэр заговорил в унисон о «мировом терроризме», а затем, к удивлению многих наблюдателей, и наметившаяся была ось Париж—Берлин—Москва, вроде бы оппозиционная по иракскому вопросу, да и по вопросу «однополярного мира», начала повторять те же заклинания.

*Начиная же с 2000-х ведущие мировые СМИ, аналитики, политики вдруг стали в мировой повестке дня употреблять и писать «терроризм», что называется, с большой буквы и без особых предисловий. Особенно гипертрофированные масштабы это понятие приобрело, разумеется, в контексте раскручивания второй Войны в Заливе и «осмысления» событий 11 сентября 2001 года.*

Таким образом, все мы стали свидетелями коренного переформатирования политического дискурса начала XXI века из еще относительно рационального и относительно научно обоснованного в абсолютно внерефлексивный и мифологический. Мифологический характер этого дискурса обнаруживается буквально повсюду, даже в ежедневной практике американских и союзных сил, которые «ничтоже сумняшеся» уже во весь голос именуют себя «силами свободы» или «силами добра».

Все-таки стоит задуматься над этой массивной инфантилизацией массового сознания, развивающейся последние 10—15 лет по всем фронтам, и в сфере политической аналитики, и в сфере культуры, например, кинематографа, где сказочные монстры уже окончательно вытеснили относительно реальных героев, причем задуматься именно с применением философского и социологического инструментария — как военные аналитики, так и искусствоведы обладают тут слишком ограниченным кругозором и ограниченным набором инструментов.

### Терроризм в рамках модели Общества Просвещения, или Модерна

Однако тот же понятийный конструкт «терроризма» далеко не всегда выступал на нашем общественно-политическом поле в качестве сверх-понятия или мифологемы. Если вспомнить тот же советский опыт, который был во многом вторичным по сравнению с европейским, и не всегда удачным, то даже и здесь мы сможем обнаружить действовавшую систему переработки абстрактной в гегелевском смысле, поверхностной информации в понятийные конструкции и когнитивные схемы.

Во-первых, осуществлялось формирование широкой общественности по ключевым политическим событиям и их начальная интерпретация: курсы истории, политической географии, политинформации в школах, вузах, в армии, в трудовых коллективах и пр. (У нашего поколения, образно говоря, Нельсон Мандела и товарищ Менгисту Хай-

ле Мариам, Патрис Лумумба и Мобуту Сесе Секу, Жозе Эдуарду Душ-Сантуш, Жонас Савимби и Амилкар Кабрал до сих пор в глазах как живые стоят, благодаря этим политинформациям.)

Во-вторых, не только информирование населения, но и анализ первого уровня сложности осуществлялся через СМИ. В новостях и в СМИ вообще значительное и ведущее место занимала политическая и аналитическая информация (в отличие, скажем, от сегодняшних главных телеканалов), несмотря даже на явную идеологическую окраску присутствовал достаточно качественный разбор и анализ: положение в Ливане и на Ближнем Востоке, где мы знали все группировки, их цели и задачи, и положение в Латинской Америке, и в Юго-Восточной Азии, планы агрессивного блока НАТО, США и их союзников, очередные вылазки «израильской военщины» против «мирного народа Палестины» и т.д. В новостных и информационных программах действовал широко развитый институт политических обозревателей, которые насыщали информационную картинку аналитическими конструкциями, версиями, гипотезами и выводами, делали новости осмысленными, укладывали в некие логические схемы, призывали задуматься вместе с ними и пр. В качестве политобозревателей трудились Фарид Сейфуль-Мулюков, Александр Каверзнев, Игорь Фесуненко и др.

Наконец, существовал институт политических аналитиков и специалистов высшего ранга, это была уже следующая градация над политобозревателями. Аналитики и ученые составляли уже высшую касту и занимались исключительно анализом высокого полета, среди последних активно действовали А. Бовин, Г. Арбатов, В. Зорин, Г. Боровик и др. Эти мастодонты политического дискурса важно заседали в течение часа в специализированной «Девятой студии» или в более динамичной «Международной панораме» и своим тонким виртуозным анализом мастерски вскрывали самые коварные планы ЦРУ, США и агрессивного блока НАТО, не говоря уже об их менее значительных марионетках, которых они просто читали, как открытую книгу.

При этом следует отметить общий уровень программ и их уважение к зрителю, когда эти безусловно компетентные специалисты очень качественно и доступно анализировали свои сложные международные вопросы на глазах у всей страны, без пресловутых сегодняшних скидок на «глупость аудитории». Необходимо также напомнить, что все эти аналитики и исследователи были встроены в соответствующие институты анализа и изучения общественно-политической реальности: институты США и Канады, стран Азии и Африки, Латинской Америки, агентства ТАСС и АПН, издательства «Политиздат», «Прогресс», «Мысль», «Наука» и др.

*В качестве примера сугубо мифологического характера данного дискурса можно привести даже названия американских военных операций последних лет: «Безграничное правосудие», «Решительная сила», «Небесный ангел», «Шок и трепет», «Лиса пустыни», «Несокрушимая свобода», «Анаконда», «Горный прорыв», «Медуза», «Горная ярость», «Торжествующее возмездие», «Большая волна», «Пронзающий наконечник» и т.д. Невольно возникает вопрос — на кого рассчитан этот совершенно безразмерный пафос, на думающего взрослого человека или на ребенка дошкольного возраста? Это скорее названия каких-то детских компьютерных игр, мультфильмов или комиксов. Даже прежние названия американских операций, например бомбардировки Камбоджи в 1969 году, звучали более остроумно: вся операция называлась «Меню» и ее отдельные фазы соответственно — «Завтрак», «Десерт», «Ланч» и т.д.*

Таким образом, в СССР в плане формирования политического сознания, как массового, так и принимающего решения, явно имела место некая система, организация усилий отдельных людей и целых институтов, направленная на расшифровку, анализ, истолкование различных фактов, событий, подготовку и принятие решений. Причем эта система была построена таким образом, что



Бовин Александр Евгеньевич — советский и российский журналист, публицист, политолог, дипломат

она была доступна всем, от простых школьников, которых уже со школьной скамьи вовлекали в простейшие формы политического анализа, и до руководителей государства, которые пользовались «высшими формами и продуктами» данного анализа.

Разумеется, данная система не являлась неким доморощенным изобретением, а была лишь частной формой «общества просвещения», или «общества модерна». Разумеется, аналогичная западная система в то же самое время была намного более развитой и разветвленной.

На Западе развитая «система рациональной дискурсивной переработки реальности» была создана сразу после Второй мировой войны, под непосредственным руководством основателя ЦРУ Аллена Даллеса, и к 1960–1970-м годам представляла собой уже развитую сеть различных институтов, фондов, исследовательских центров, тесно связанных с обеими полюсами формирования национальной политики — с властными институтами и с академической наукой, т.е. с университетами.

Излишне говорить, что в рамках такой когнитивной и дискурсивной системы «классического общества модерна» нынешние формы существования таких сверхпонятий и мифологем, как, например, «мировой терроризм», в принципе были невозможны.

**Нужно ли изучать «терроризм» или его нужно лишь воспроизводить?**

При ознакомлении с озвученной выше постановкой вопроса необходимо отчетливо понимать, что речь, разумеется, не идет об отрицании существования терроризма как печального явления нашей жизни, как сегмента политической и военной реальности. Разумеется, терроризм, террор как форма политической и экономической борьбы, форма малой и эффективной войны, как разрушительная и жесткая реальность наших дней существует, постоянно напоминая о себе и, к сожалению, даже неуклонно развивается и прогрессирует, кстати, несмотря на все усиливающуюся «борьбу с международным терроризмом», развернутую в последнее десятилетие.

Это тоже интересная тенденция, на которую стоит обратить внимание: на наш взгляд, именно отсутствие реальной качественной системной интеллектуальной работы по изучению, описанию «терроризма как реальности», по его философскому, социологическому, экономическому, политическому расшифровыванию, «дискурсивной обработке», по его «расколдовыванию» по М. Веберу, демифологизации если не способствует дальнейшему развитию этого самого терроризма, то, безусловно, уж никак не помогает борьбе с ним. Бездумное тиражирование штампов явно мифологического характера, конечно, только затрудняет реальный анализ самого явления и его причин, а значит — и поиск эффективных форм преодоления данной злокачественной тенденции.

Борьба с терроризмом на «нижних этажах» активно ведется и порой бывает достаточно эффективной — спецслужбы, госорганы действительно много и эффективно работают в этом направлении. Но ведется ли подобная работа и на «верхних этажах» общественного здания, на том уровне, где продуцируются и анализируются смыслы, идеи и понятия? Пока, к сожалению, ответ на этот вопрос дать крайне затруднительно. В основном сегодня и на этих «верхних этажах» на понятийном и идейном уровне работы

ведется скорее не анализ и дешифровка «реальности терроризма», а его дальнейшая мифологизация.

*Происходит все более усиливающееся «воспроизводство мирового терроризма» как сверхпонятия или ключевой мифологемы современности, своеобразного вне-рефлексивного смыслового монстра. Более того, есть ощущение, что это воспроизведение, как и любое «умножение сущностей» без необходимости, не только бесполезно, но и вредно. Воспроизводящее некритически сверхпонятие «мирового терроризма» не только ничего не объясняет, но и захватывает все новые сегменты социальной реальности. Происходит обратный эффект, когда уже само это сверхпонятие, например «мировой терроризм», накладывается на реальность и втягивает в себя все новые и новые ее слои. И действительно, если, например, неграмотному афганскому крестьянину, который никак не связан не то что с какой-то мировой инфраструктурой, но и не знает, что делается за 100 км от его дома, все время повторять, что он «международный террорист», относиться к нему как к «агенту международного терроризма», высылать против него реальные международные сверхсовременные силы быстрого реагирования, то он в конце концов действительно начинает считать себя «международным террористом» и действительно начинает вести себя соответствующим образом, и становится международным террористом на деле.*

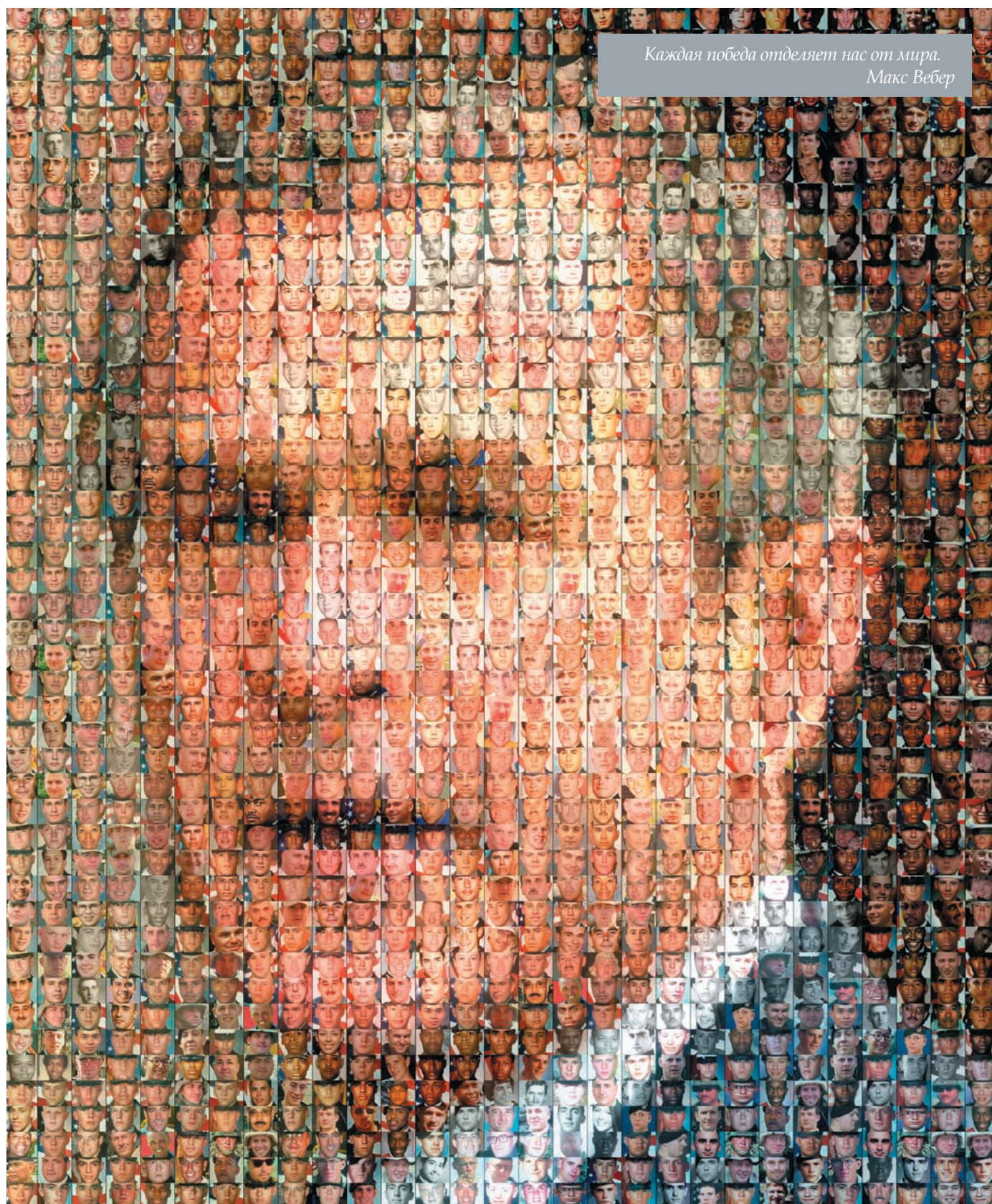
Так изначально инструментальное понятие из ряда таких же понятий классического рационального «дискурса модерна» становится «понятием-монстром» и подчиняет себе социальную и смысловую реальность. И разумеется, дело интеллектуалов — не участвовать в таком «бесконечном воспроизведении» данного явления, а качественно и рационально его проблематизировать, объяснять, расшифровывать и тем самым — «снимать». Вот дейст-



Вооруженные афганские крестьяне или «мировые террористы»?

вительно реальное и необъятное поле для интеллектуальной работы с «понятием-монстром», причем сегодня это актуально не только по отношению к «понятию терроризма», но и по отношению ко всей сфере социально-политического опыта. Рациональная философская критика этой сферы сегодня представляется не только назревшей, но и совершенно необходимой, касается ли это вышеупомянутой «военно-политической сферы, сферы «культуры» или сферы «потребления». Все эти сферы чудовищно мифологизированы и непрозрачны для любого рационального осмысления и истолкования. На наш взгляд, время философской критики пришло.

á



Лица смерти: портрет Джорджа Буша, составленный из фотографий американских солдат, погибших в Ираке